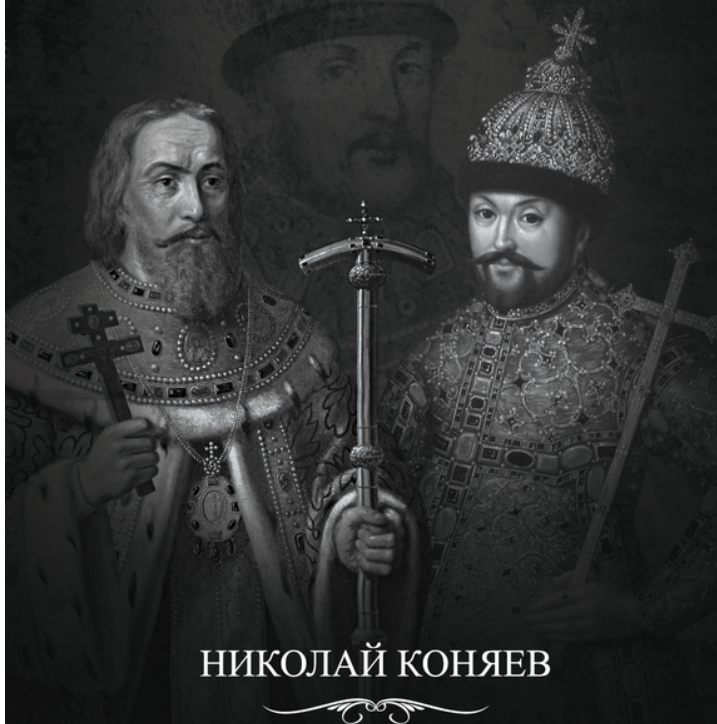

Романовы. Тайны династии

РОМАНОВЫ

Творцы Великой Смуты

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

Николай Михайлович Коняев
Романовы. Творцы
великой смуты
Серия «Романовы. Тайны династии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6370215

Романовы. Творцы великой смуты.: Алгоритм, Издательство ЭКСМО;

Москва; 2011

ISBN 978-5-906880-87-1

Аннотация

Возвышение и укрепление на высших этажах власти бояр Романовых, их борьба с Годуновыми – одно из самых темных мест в русской истории. Еще более затуманена роль, которую играли Романовы в самой Смуте, приведшей их династию на царский трон. И не потому русские историки обходили эти темы, что не располагали материалами. Материалов как раз было более чем достаточно.

Согласно им Филарет, отец царя Михаила, митрополичий сан принял из рук Лжедмитрия I, а патриархом его сделал Лжедмитрий II. А когда ополчение князя Дмитрия Пожарского и гражданина Минина штурмовало Кремль, все Романовы, и будущий царь в том числе, находились по другую сторону кремлевской стены – вместе с осажденными поляками. Об

этих стыдливых умолчаниях и пропусках и рассказывает увлекательная книга Николая Коняева. Кроме того, закрывая белые пятна нашей истории, писатель помогает понять нам и некоторые события современности.

Содержание

Глава I	7
Глава II	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Михайлович Коняев

Романовы. Творцы великой смуты

Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

*А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Все это происходило с ними, как образы, а описано в наставление нам, достигшим последних веков...
Апостол Павел, Первое послание к коринфянам*

Четыреста лет назад стрельцы в Москве подожгли усадьбу Федора Никитича Романова.

Самого Федора Никитича насильно постригли в монахи и заключили тогда в Антониево-Сийский монастырь...

Жену «замчали» в Заонежский Толвуйский погост...

Дочку Татьяну и сына Михаила сослали в Белоозеро...

Братьев тоже сослали...

Александра Никитича Романова – в Усолье-Луду на Белом море...

Михаила Никитича – в Пермскую землю...

Ивана Никитича – в Пелым...

Василия Никитича – в Яренск...

Еще более жестоко поступили с челядью. Многих холопов Романовых подвергли страшным пыткам...

Считается, что расправа с Романовыми была вызвана болезненной подозрительностью Годунова и предложением послужил ложный донос о заготовке Федором Никитичем Романовым ядовитых «кореньев».

Это не совсем так.

Стрельцы действительно искали у Романовых коренья, но не те, что были предназначены якобы для изготовления отравы, а вполне реальные корни задуманного заговора, который должен был свергнуть Русь в ужасы Смуты...

Увы...

Сыск ничего не дал.

Григорий Отрепьев успел скрыться с романовского двора.

Со стороны, из глубины переулочка, наблюдал он; как пылает усадьба его благодетелей. Жутковато переливались в темноте всполохами пожара его глаза – первого царя со двора Романовых...

Глава I

Шурьё

Если возвести стену между прошлым и настоящим, не будет будущего.

Возвышение Романовых началось 13 декабря 1546 года, когда Иван IV Васильевич объявил митрополиту Макарию, что решил жениться.

«Великому Князю исполнилось 17 лет от рождения, – пишет Н.М. Карамзин. – Он призвал Митрополита и долго говорил с ним наедине. Митрополит вышел от него с лицом веселым, отпел молебен в храме Успения, послал за боярами... Еще народ ничего не ведал, но бояре, подобно Митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину, и с нетерпением ждали открытия счастливой тайны.

Прошло три дни. Велели собраться Двору: Первосвященитель, бояре, все знатные сановники окружали Иоанна, который, помолчав, сказал Митрополиту: «Уповая на милость Божию и на Святых заступников земли Русской, имею намерение жениться: ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты во иных Царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкою: будет ли тогда супружество

счастьем? Желаю найти невесту в России, по воле Божией и твоему благословению». Митрополит с умилением отвечивал: «Сам Бог внушил тебе намерение столь вожделенное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца небесного». Бояре плакали от радости...»

16 января 1547 года в Успенском соборе Ивана IV Васильевича венчали на царство, а 3 февраля «царя всея Руси» обвенчали с юной Анастасией, дочерью вдовы Захарьиной.

1

Так получилось, что после свадьбы зашумели на Москве пожары...

12 апреля погорели Китай-город и Торг, а 20 апреля пожары забушевали уже за Яузой. Но главные пожары были впереди, и, словно бы предвещая их, зазвенела земля – упал с колокольни Благовещенского собора большой колокол. Еще появились на Москве «сердечники» – чародеи, «вынимавшие из людей сердца»...

И вот наступил страшный день – 24 июня...

«Загорелся храм Воздвиженья Честного Креста, – говорит летописец, – за Неглинной, на Арбатской улице, на Острове, и бысть буря велика, и потече огонь я кож молния, и пожар силен промче во един час Занеглименье. И обратися буря на град большой»...

«Большой град» – это Кремль. Вспыхнули кровли на па-

латах и деревянные избы, в огне погибла казна, оружейная палата, царская конюшня. Сгорел расписанный фресками Андрея Рублева Благовещенский собор.

Святитель Макарий руководил спасением особо чтимых икон из горящих храмов, потом огонь окружил и митрополита, отрезая пути к отступлению, и пришлось спускаться из Тайницкой башни на веревках. Веревка лопнула, святитель «разбился»...

Опустошив Кремль, пожар с новой силой набросился на уцелевшие районы города. Железо там «яко олово разливавшаяся, и медь я ко вода растаяваше». Всего сгорело в июньском пожаре 25 тысяч дворов, погибло около двух тысяч жителей.

И поползли, поползли распускаемые князем Скопиным-Шуйским и дядей молодой царицы Григорием Юрьевичем Захарьиным слухи, что виновниками пожаров являются Глинские.

Говорили, что это бабка царя Анна Глинская со своими детьми и людьми «волхвала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да той водой, разъезжая по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела, а у самих Глинских усадьбы не пострадали в огне».

26 июня в Москве уже не пожар вспыхнул. Восстание...

Убили дядю царя – князя Юрия Глинского. Михаил Глинский бежал в Литву. Хотя мятежную чернь царь и велел покарать, но зачинщиков бунта не тронули, предав, как пишет

Н.М. Карамзин, одному суду Божию...

Еще тверже, еще увереннее встали у престола царские *шуй-ры* – Юрины-Захарьевы...

Отметим, что это был первый совместный проект Шуйских и Юриных-Захарьевых-Романовых. На протяжении ближайших десятилетий этим родам предстоит действовать то сообща, то друг против друга, но все время в пространстве возле трона, борясь за место у трона и за сам трон.

И Шуйским, и Романовым суждено сидеть на русском троне...

Их противостояние завершится в 1612 году в Варшаве, где встретятся в польском плену царь Василий Шуйский и патриарх Филарет Романов. Василий Шуйский, завершая правление своей династии и саму династию, умрет в польской тюрьме, а Филарет (Романов) вернется в Москву, где начнет со своим сыном Михаилом правление династии Романовых...

Но это еще впереди, а пока Юрины-Захарьевы только еще утверждают возле трона...

Как говорят историки, утверждались они в борьбе с «мятежным господством бояр» за царское единовластие, «чуждое тиранства и прихотей»... Заметим, что борьба эта с самого начала была не совсем чистой...

Любопытно и другое...

Возвышение династии Юриных-Захарьевых совпало с

началом реформ Иоанна IV Васильевича Грозного.

Правда, тогда реформы назывались «переменами» в царю.

«Господь наказывал меня за грехи то потопом, то мором, и все я не каялся, наконец, Бог наслал великие пожары, и вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой...»

Тринадцать лет «смирися дух» грозного царя, тринадцать лет рядом с ним была царица Анастасия.

«Предобрая Анастасия, – извещает нас летопись, – наставляла и приводила Иоанна на всякие добродетели»...

Есть, однако, и другие суждения.

Андрей Курбский, к примеру, сравнивает Анастасию с Евдокией, женой византийского императора Аркадия, устроившей злые гонения на Иоанна Златоуста...

Так это или иначе, судить трудно, но влиянием на царя Анастасия действительно пользовалась. Об этом свидетельствует стремительное возвышение шурьев, пользующихся все большим и большим влиянием на государя.

2

1553 год – великий год царствования Иоанна Грозного. Это год третьего похода Ивана IV Васильевича на Казань. В походе участвовало 150 тысяч человек.

2 октября Казань пала...

1553 год можно считать и годом крещения рода Захарьиных-Юрьевых в дворцовой борьбе за власть, которую повели шуры с «ближним окружением» царя – Алексеем Адашевым, протопопом Сильвестром и их окружением.

Немного в нашей истории деятелей, относительно которых, по словам биографа, «нельзя подобрать, кажется, свидетельства не в его пользу».

Но Алексей Адашев был именно таким человеком. И в этой оценке его едины и современники, и историки...

«И был он, – говорит о нем Андрей Курбский, – общей вещи зело полезен, и отчасти в некоторых нравех, ангелом подобен»...

«Сей знаменитый временщик явился вместе с добродетелию царя и погиб с нею...» – утверждает Н.М. Карамзин.

С этим человеком, по праву считающимся образцом древнерусского филантропа и гуманиста, и схлестнулось шурье в борьбе за влияние на царя.

После взятия Казани Адашев советовал царю постоять там с войском до весны, чтобы окончательно усмирить татар, мордву, башкир и черемисов, но Анастасия была на последних месяцах беременности, и царь, как горестно сообщает Андрей Курбский, «совета мудрых воевод своих не послушал, послушал же совета шуры своих, они бо шептаху ему во уши, да споспешитца ко царице своей, сестре своей...»¹.

¹ У Даниила Романовича Захарьина были причины торопиться с возвращением. Во время Казанского похода в Москве умерла его супруга.

4 октября Иван IV Васильевич заложил в Казани церковь во имя Благовещения Богородицы и вернулся с войском в Москву.

Казанского победителя встречало такое множество народа, что поля не вмещали людей...

«От реки от Яузы и до посаду и по самой град по обе strany пути бесчислено народа... велиими гласы вопиющий, ничтоже ино слышати токмо: «Многа лета царю благочестивому, победителю варварьскому избавителю христьянекому»».

Радость обретения Казанского царства сливалась с семейным торжеством в царском доме. 11 октября царица Анастасия благополучно разрешилась от бремени сыном Дмитрием.

«Как скоро Анастасия могла встать с постели, государь отправился с нею и с сыном в обитель Троицы, где Архиепископ Ростовский, Никандр, крестил Димитрия у мощей Св. Сергия, – пишет об этих днях Н.М. Карамзин. – Насыщенный мирскою славою, *Иоанн заключил торжество государственное Христианским* (выделено нами – *Н.К.*): два царя казанские, Утемиш-Гирей и Едигер, приняли веру Спасителя. Первого, еще младенца, крестил Митрополит в Чудове монастыре и нарек Александром: Государь взял его к себе во дворец и велел учить грамоте, Закону и добродетели. Едигер сам изъявил ревностное желание озариться светом истины, и на вопросы Митрополита: «не нужда ли, не страх ли,

не мирская ли польза внушает ему сию мысль?» ответствовал решительно: «нет! люблю Иисуса и ненавижу Магомета!» Священный обряд совершался на берегу Москвы-реки в присутствии государя, бояр и народа. Митрополит был приемником от купели. Едигер, названный Симеоном, удержал имя царя; жил в Кремле...»

Однако, как и бывает всегда, когда правитель стремится заключить *торжество государственное Христианским*, враг рода человеческого ополчился на Ивана Грозного. Пришли из Казани печальные вести о восстании «луговых» людей и гибели вместе со своим воеводой войска Бориса Салтыкова, выступившего на усмирение бунтовщиков.

От огорчения Иван IV Васильевич серьезно занемог «огненным недугом»...

3

Братья царицы, то ли действительно опасаясь, что царь не выживет, то ли развивая интригу, предложили ему: написать духовную и потребовать, чтобы все бояре, а главное, двоюродный брат царя – удельный князь Владимир Старицкий – присягнули их племяннику, младенцу Димитрию.

Трудно сказать, насколько сам Иван Грозный опасался своей смерти... Скорее всего, и опасения были, было и желание испытать бояр, но главное, очень хотелось избавить-

ся от опеки слишком мудрого Алексея Адашева, слишком прозорливого протопопа Сильвестра... Мысль шурьев Ивану Грозному понравилась.

Насколько велик был страх перед шурьями, показывал донос окольного Михаила Михайловича Салтыкова на князя Дмитрия Ивановича Немого-Оболенского, сказавшего Салтыкову:

– Бог знает что делается! Нас бояре приводят к присяге, а сами креста не целовали, а как служить малому мимо старого? А ведь нами владеть Захарьиным.

– Я вас привожу к крестному целованию, велю вам сыну моему Дмитрию присягнуть, а не Захарьиным! – вкрадчиво увещевал бояр Иоанн Грозный. – Но более с вами я не могу много говорить. Дмитрий и в пеленах для вас есть самодержец законный, но коли вы не имеете совести, то будете отвечать Богу...

– Мы не целовали креста, – попытался отговориться осторожный князь Иван Михайлович Шуйский, – потому что государя не видели перед собою... Как присягать, если государя тут нет?

Ну а отец царского любимца Алексея Адашева окольный Федор Адашев отговорок искать не стал.

– Тебе, государю, и сыну твоему, царевичу князю Дмитрию, мы усердствуем повиноваться, – сказал он. – Другое нас заботит... Сын твой еще в пеленках, а владеть нами будут Захарьины – Данила с братиею. А мы ведь от боярского прав-

ления уже в твое малолетство беды видели многие...

Шум возник немалый.

Князя Иван Федорович Мстиславский, Владимир Иванович Воротынский, Дмитрий Палецкий целовали крест Дмитрию. А с ними и Иван Васильевич Шереметев, и Михайла Яковлевич Морозов, и дьяк Иван Михайлович Висковатый, и, конечно же, Захарьины – Данило Романович и Василий Михайлович.

Беспрекословно присягнул, к огорчению Захарьиных, и Алексей Адашев, разгадавший направленную против него интригу.

Однако Захарьины поспешили донести царю, что принял присягу Алексей Адашев с неохотою, а протопоп Сильвестр и вообще попытался защищать от нападок бояр князя Владимира Старицкого.

Это известие и огорчило Иоанна Грозного, и порадовало...

Обидно было, что любимцы, которых он и поднял к вершинам государственного управления и которые только ему и обязаны были всем, что имели, с неохотою поддержали его... Ну а порадовало тем, что теперь у него появилось моральное право избавиться от опеки, отдалиться от высокоумных друзей... На что нужны друзья, когда рядом шуры есть?..

Между тем, удельный князь Владимир Андреевич Старицкий прямо отрекся целовать крест.

– Знаешь сам, что станется на твоей душе, – сказал ему

Иоанн Грозный. – Если не хочешь креста целовать, мне до того дела нет.

И когда ушел брат, обратился Иван Васильевич к боярам:
– Бояре! Болен я, мне уж не до того, а вы, на чем мне и сыну моему Димитрию крест целовали, потому и делайте. Если станется надо мною воля Божия и умру я, то не забудьте, на чем вы мне и сыну моему крест целовали. Не дайте сына моего извести, лучше бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет...

Теперь уже и самые упорные противники Захарьиных-Юрьевых сообразили, что дело нечисто и надобно бояться не шурьев, а царя, который, выздоровев, припомнит, кто супротивничал его воле... На этот раз отправились присягать все. И там-то, в передней избе, и ждало дол год умов очередное унижение. Князь Иван Турунтай-Пронский даже заплакал, увидев, кто стоит у креста.

– Твой отец, – сказал он Воротынскому, – первый изменник был, а ты теперь к кресту приводишь!

– Я изменник, – отвечал Воротынский, – а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его, царевичу Димитрию; ты прямой человек, а государю и сыну его креста не целуешь и служить им не хочешь.

Турунтаю оставалось только молча поцеловать крест.

Похоже, что Захарьины уже и не рады были своей затее. Больно круто заворачивалось дело.

Иоанн Грозный заметил этот страх и сказал, обращаясь к

ним:

– А вы, Захарьины?! Чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от них будете *первые мертвецы* \

Не рискну трактовать эти слова, как пророчество, но некий магический смысл явно присутствует в них.

Из причудливой смеси царевичей Дмитриев (первого и второго), Лжедмитриев (первого и второго) и выплавлялась династия *первых мертвецов*...

4

Иоанн Грозный выздоровел. Исполняя данный во время болезни обет, он отправился с царицею и сыном Дмитрием на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь.

Вначале царь заехал в Троицкий Сергиевский монастырь и провел здесь три дня, беседуя с Максимом Греком.

Преподобный попытался отговорить государя от столь дальней поездки.

– Аще, – сказал он, – и обещался ехати, просить святого Кирилла о заступничестве перед Богом, но обеты такие с разумом не согласны. И вот почему... Когда доставал ты прегордое и сильное басурманское царство, немало христианского воинства храброго тамо от поганных падоша. Жены и дети осиротели, и матери обнищали, во слезех многих и скорбех пребывают. Будет гораздо лучше наградить их и устроить, собрав в царственном граде, чем исполнять нера-

зумные обряды. Бог везде сый, все исполняет и всюду зрит недреманным своим оком...

Долго беседовал преподобный Максим с Иваном Грозным о том, что не только святого Кирилла душа, но души всех прежде бывших праведников, которые изображены на небесах и которые предстоят теперь Престолу Божию с очами духовными самого острого, особенно сверху, зрения, молятся Христу о всех людях, живущих на земле, особенно о тех, кто раскаивается в грехах, кто по собственной воле отвращается от беззаконий своих к Богу, ведь Бог и святые Его внимают молитвам нашим не по месту их творения, но по нашей доброй воле и по усмотрению.

– Если послушаеши меня, – сказал преподобный, – здоров будеши и многолетен со женою и отрочати...

Но замкнуто было сердце царя для слов святого. Шурья «нашептаху ему во уши», что Максим Грек говорит так, исполняя заказ «ближнего круга» – Алексея Адашева и протопопа Сильвестра.

Между прочим, историки тоже замкнули свой слух для глаголов святого, доверившись «нашептанном» словам Захарьиных-Юрьевых. Даже Н.М. Карамзин пишет, что Максим говорил «вероятно, по внушению Иоанновых советников».

Между тем, как сообщает Андрей Курбский, преподобный Максим Грек не успокоился. Через пресвитера Андрея

Протопопова, князя Ивана Мстиславского, постельничего Алексея Адашева и его, князя Андрея Курбского, велел передать царю главное свое предсказание...

«Аще, – рече, – не послушаеши мене, по Бозе советуящаго, и забудеши крови оных мучеников, избияемых от поганов за правоверие, и презриши слезы сирот оных и вдовиц, и поедеши со упрямством, ведай о сем, иже сын твой умрет и не возвратится оттуды жив».

Но и эти слова святого прошли мимо загороженных шепотом шурья ушей Иоанна Грозного.

Не испугавшись грозного пророчества, Иван IV Васильевич велел ехать в Песношский Николаевский монастырь. Там, в Дмитрове, уже ждали суда, на которых и поплыли реками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною в Кирилло-Белозерский монастырь...

Назад в Москву возвращались уже через Ярославль и Ростов...

Возвращались в слезах...

Везли тело умершего в дороге царевича Дмитрия.

Мы выделили названия городов, потому что эти города напрямую связаны с «Дмитриевским» периодом предстоящей русской истории. Словно грозное эхо пророчества преподобного Максима Грека звучит повторение этих имен в годы Смуты...

Забегая вперед, скажем, что местное почитание преподобного Максима Грека началось еще в конце XVI века по-

сле чудесного спасения на войне царя Федора Иоанновича, многие поклонялись мощам старца, но прославление состоялось почти четыреста лет спустя – в 1988 году...

Задержали прославление семьдесят лет большевистской власти и триста лет правления Романовых, основатели династии которых так старательно пытались развести – и развели! – своим шепотом преподобного с царем, святость с властью.

Попробуем разобраться, что же произошло тогда.

Иоанн Грозный, следуя своеволию и нашептыванию Захарьиных-Юрьевых, пренебрег благословением святого и, не вняв даже его пророчеству, потерял сына царевича Дмитрия, которому, между прочим, уже присягнули все как царю.

И «не стало царевича Дмитрея, назад едучи к Москве, и положили его в Архангеле, в ногах у В.К. Василья Ивановича»... – говорит Никоновская летопись.

Царевич Дмитрий был первым сыном Иоанна Грозного.

Последним сыном тоже был царевич Дмитрий. Его убьют в Угличе. Одни считают, что произошел несчастный случай и царевич сам себя зарезал, упав на свой ножичек во время игры, другие – и таких историков большинство! – полагают, что было совершено убийство. Одни винят в этом преступлении Бориса Годунова, другие – таких очень мало! – Романовых.

Об этом убийстве разговор впереди, а пока скажем, что на

престоле ни одному из настоящих Дмитриев не суждено было сесть. Сел на русском престоле назвавшийся царевичем Дмитрием человек со двора бояр Романовых – Григорий Отрепьев...

Такое невозможно рассчитать и устроить, но и отнести такое к категории случайного тоже не получается. Жесткая и неумолимая закономерность прослеживается в смене кандидатов на царский престол...

Царевич-младенец, которому уже была принесена боярами присяга, умирает по предсказанию святого...

Царевич-отрок, которого убили, чтобы открыть – Годуновым или Романовым? – путь к Престолу, прославлен как святой...

Самозванец, объявивший себя царевичем, усевшийся на русском троне...

Власть... Святость... Обман...

Призрачность власти...

Кажущееся бессилие и неизбежное торжество святости...

Неодолимость лжи и обмана, которая неизбежно рассыпается в результате в прах...

Можно бесконечно выстраивать подобные ряды, вглядываясь в череду этих Дмитриев нашей истории.

Это не случайность. Это знак... Знак той истории, которая создается вопреки всем интригам и своеволиям...

И бессмысленно рассуждать, что, дескать, напрасно Заха-

рьины-Юрьевы побуждали Иоанна Грозного принуждать бояр и удельных князей к той присяге...

Может быть, и не напрасно...

На судьбе Захарьиных-Юрьевых-Романовых, кандидатов в *первые мертвецы*, присяга племяннику отразилась очень благотворно. Эта интрига еще сильнее приблизила их к Иоанну Грозному.

Ну а смерть, что ж...

На все, как говорится, воля Божия...

5

Иногда и обида делает сердце зорким.

В каком-то дивном озарении печально знаменитый князь Андрей Курбский назвал Захарьиных-Юрьевых клеветниками и нечестивыми погубителями всего Русского царства.

Он говорил это, основываясь на собственных наблюдениях за ними и пользуясь весьма ограниченным материалом начального периода правления Иоанна Грозного... Что же дало ему основание для такого вывода? Интрига, связанная с присягой царевичу Дмитрию?

Едва ли...

Курбский был слишком умен, чтобы не понимать, что многие царедворцы, оказавшись в положении Захарьиных-Юрьевых, повели бы себя таким же образом.

Кроме того, на положении страны эта присяга никак не

отразилась...

Ответ, как нам кажется, надо искать в происходившей тогда в окружении Ивана Грозного борьбе за стратегию внешней и внутренней политики России на будущее.

Некоторые исследователи предполагают, что разногласия между Захарьиными и Адашевым начались, когда решался вопрос, с кем вести войну.

«Адашев и Сильвестр не одобряли войны Ливонской, — пишет Н.М. Карамзин, — утверждая, что надобно, прежде всего, искоренить неверных, злых врагов России и Христа; что ливонцы, хотя и не греческого исповедания, однакож христиане и для нас не опасны; что Бог благословляет только войны справедливые, нужные для целости и свободы государств. Двор был наполнен людьми преданными сим двум любимцам; *но братья Анастасии* (выделено нами — *Н.К.*) не любили их, также и многие обыкновенные завистники, не терпящие никого выше себя».

Это подтверждается и другими историками. Алексей Адашев настаивал на войне с Крымом, в то время как выходцы из Пруссии Захарьины всегда, подобно стрелке компаса, указывающей на север, ломились к Балтийскому морю, зачастую вопреки реальным интересам и возможностям Руси.

Как показало самое ближайшее будущее, трудно было найти более сложный и более мучительный для России путь, чем тот, который избрал Иоанн Грозный в результате интриг Захарьиных-Юрьевых...

Разумеется, роль их тут преувеличивать не надо.

Иоанн Грозный с каждым годом все более совершенствовался в искусстве «перебирания людишек», и смешно было бы надеяться, что он будет относиться как-то иначе даже и к своему любимому шурию.

Чтобы удержаться у власти, Романовичи должны были научиться угадывать тайные помыслы грозного царя и требовать осуществления именно их, а не каких-то других планов.

Тем более что подошло 13 июля 1560 года, когда в день Собора Архангела Гавриила, словно в напоминание о пожарах, бушевавших в Москве в год свадьбы Иоанна Грозного и Анастасии Захарьиной, снова загорелся Арбат...

Анастасия так испугалась повторения «свадебного» пожара 1547 года, который тоже начался в церкви Воздвижения на Арбате, что слегла.

7 августа царицы не стало...

Но Романовичи уже постигли все тайны дворцовой жизни и, угадывая, что государю хочется освободиться от стесняющей его добродетельности Алексея Адашева, саму смерть сестры сумели использовать для окончательного свержения фаворита Грозного...

Они уверили царя, что это протопоп Сильвестр и Алексей Адашев и извели своими чарами царицу Анастасию...

«Что мне от вас бед, всего того не исписать, – писал Иоанн Грозный Андрею Курбскому. – А и с женою вы меня про что

разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моей, ино бы Кроновы жертвы не было».

Иоанн Грозный через несколько дней после потери тридцатилетней «юницы» начал вести переговоры о сватовстве к Екатерине – сестре Сигизмунда-Августа, а когда сватовство не удалось, женился на дочери черкесского князя Темрюка, принявшей в крещении имя Марии.

Эта стремительность в устройстве свадебных дел не очень-то сходится с переживаниями Ивана Грозного по поводу потери «юницы» и заставляет заподозрить, что его горесть была рассчитана на публику, и выказывалась она, когда уже «воскурилось гонение великое», чтобы оправдать жестокость расправы с прежним любимцем.

Имена Адашева описали на государя, а самого его заключили в тюрьму и начали розыск, закончившийся истреблением всех Адашевых и их родственников. Любопытно, что, когда митрополит Макарий² потребовал призвать и выслушать обвиняемых, Данила Романович Захарьин со своими приспешниками сумел убедить всех, что Сильвестр и Адашев «...ведомые сии злодеи и чаровницы велицы, очаруют царя и нас погубят, аще придут!». В результате удалось так запугать бояр, что Адашева и не допрашивали, а осудили заочно вместе со всей его многочисленной родней.

² Святитель Макарий, митрополит Московский, почил 31 декабря 1563 года. Когда погребали его в Успенском соборе, «было лицо его как свет сияющее». Прославлен святитель Макарий был на Соборе Русской Православной Церкви 1988 года, одновременно с преподобным Максимом Греком.

Так прирастало после кончины царицы Анастасии влияние Захарьиных-Юрьевых Романов. Н.М. Карамзин утверждает, например, что, хотя и оставались Захарьины-Юрьевы возле Иоанна Грозного во все время правления, но в кровь опричнины они не замарались.

«Никиту Романовича Юрьева уважали как брата незабвенной Анастасии и дядю государева, любили как вельможу благодушного, не очерненного даже и злословием в бедственные времена кровопийства»...

Может быть, это и верно, но с той только оговоркой, что все ужасы правления Иоанна Грозного отчасти благодаря интригам Захарьиных и начались. Именно тогда, когда удалось окончательно устранить от царя сторонников протопопа Сильвестра и Алексея Адашева, и приблизились к трону Алексей Данилович Басманов и сын его Федор, Афанасий Иванович Вяземский, Григорий Лукьянович Малюта-Скуратов...

Ну а влияние Романовичей и их место у трона упрочилось...

Теперь они были родными дядьями наследников престола, царевичей Ивана и Феодора... В 1562 году, когда по указу Ивана Грозного при семилетнем царевиче Иване образовали регентский совет, в него вошли и Романовичи.

Даниил Романович умер 27 октября 1564 года, и место царского дворецкого занял его младший брат, любимый шури́н царя Иоанна Грозного – Никита Романович Юрьев-Захарьин.

Он был дважды женат.

Первый раз на Варваре Ивановне Ховриной, но она умерла 18 июня 1552 года, и Никита Романович женился во второй раз – на княжне Евдокии Александровне Горбатовой-Шуйской.

От первого брака сыновей не было³, зато Евдокия Александровна Горбатова-Шуйская, на которой Никита Романович женился в 1555 году, подарила любимому шурыю Иоанна Грозного шестерых наследников.

Появление первых детей Никиты Романовича совпало по времени с наиболее масштабными успехами (укрепление Казани, взятие Астрахани, Полоцка...) правления Иоанна Грозного...

Никитичи были детьми русских побед Иоанна Грозного...

³ Как утверждается в «Истории родов русского дворянства», составленной П.Н. Петровым, от Варвары Ивановны Ховриной имел Никита Романович дочерей – Анну и Евфимию и сына Федора, будущего патриарха Филарета. Однако, как доказывают изыскания Г.В. Мещеринова, Федор Никитич был рожден во втором браке.

И это не просто поэтическая метафора, но и констатация реалий той жизни, когда успешность течения государственных и ратных дел многое определяла в успешном течении частной жизни сановников... Отзвуки победных литавр слышатся в судьбах Никитичей и Никитичен...

Анна вышла замуж за князя Федора Ивановича Троекурова...

Евфимия – за князя Ивана Васильевича Сицкого...

Марфа – за двоюродного брата царицы Марии Темрюковны, князя Бориса Канбулатовича Черкасского...

Ирина – за Ивана Ивановича Годунова...

Анастасия – за боярина, князя Бориса Михайловича Лыкова.

Запомним этот список...

Фамилии зятьев Никиты Романовича будут встречаться каждый раз, когда речь пойдет об осуществлении романовских планов...

Пятеро⁴ сыновей Никиты Романовича: Федор, Александр, Михаил, Иван, Василий – еще при царе Федоре закрепили свое высокое положение...

Боярин Федор Никитич – будущий патриарх Филарет, был необыкновенно красив, осанист и служил, как утверждают современники, образцом для подражания московским щеголям...

⁴ Лев Никитич, как и его сестра Иулиания Никитична, умер молодым.

Александр Никитич, получивший великолепное образование, уже в двадцать лет сиживал «в кривой лавке» во дворце во время приема послов, был он на Соборе, избиравшем в цари Бориса Годунова, который и пожаловал его в бояре, а потом сослал умирать в Усолье-Луду на Белом море...

Михаил Никитич, окольный, был высоким и отличался удивительной силой. Когда его привезли в Нароб, жилища для него не нашлось, и пристав приказал сторожам рыть яму прямо на том месте, где они остановились. Валил снег. Шестеро стражников пихали тяжелую кибитку и не могли сдвинуть с места. Тогда Михаил Никитич вылез и «в порыве горести» схватил возок и отбросил его от себя шагов на десять. Это происшествие так поразило наробцев, что они особенно тщательно укрепили настил над вырытой ямой, в которую и поместили несчастного ссыльного. В этой яме и просидел Михаил Никитич, не покидая ее ни в дождь, ни в страшные морозы, целый год, а потом умер, и на могиле его «израстоса два древа кедри – едино у главы, второе же у ног».

Ивана Никитича в бояре пожаловал уже Григорий Отрепьев, когда венчался на царство. Иван Никитич входил в печально знаменитую семибоярщину, участвовал он и в возведении на престол своего племянника – Михаила Федоровича Романова...

Василий Никитич до ссылки успел дослужиться только до стольника... Был он смел, отважен и непокорен... Когда стрелецкий сотник Иван Некрасов, по дороге из Яренска в

Пелым, начал выговаривать, дескать, «кому Божиим милосердием, и постом, и молитвою, и милостыней Бог дал царство, а вы злодеи изменники хотели достать царство ведовством и кореньем», Василий Никитич оборвал его.

– Свята та милостыня, что мечут по улицам, добра та милостыня, – дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала»...

За непокорство и держал его стрелецкий сотник в цепях и в дороге, и в избе в Пелыме. В цепях, прикованным к стене, и умер он...

Эти Никитичи и начали называть себя не Захарьиными, не Юрьевыми, а Романовыми. Старшему из них – Федору – предстояло возвести на престол своего сына Михаила – первого царя Романова.

Потребовалось на это почти тридцать лет...

И были эти годы, когда Романовы восходили на престол, может быть, самыми страшными в истории России...

7

Корни и стебли...

Род, из которого вышла царская династия, происходил от Андрея Кобылы, выехавшего со своим братом Федором Шевлягою из Пруссии в XIV веке...

Пятый сын Андрея Кобылы был боярин Федор Кошка, оставивший четверых сыновей. У старшего из них, Ивана

Кошки, тоже было четверо наследников, последний из них, Захарий, дал своему потомству наименование Захарьиных.

Сыновья среднего сына Захария, Юрия, носили название Захарьиных-Юрьевых. Роман Захарьин-Юрьев и был отцом царицы Анастасии и брата ее Никиты. Сыновья его, Никитичи, звались уже просто Романовыми...

Кобылины... Кошкины... Захарьины-Юрьевы... Романовы...

Поражает легкость, с которой меняются эти прозвища...

Она сродни решительности, с которой изменяли свои фамилии революционеры.

И как тут не вспомнить снова уже поминавшийся нами разговор А.С. Пушкина с великим князем. А.С. Пушкин, рассуждал, что наиболее революционно настроены в России дворяне.

– Кто были на площади 14 декабря? – сказал Пушкин. – Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много... *Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes que l'Empereur et Vous.*

Великий князь, как замечает сам Пушкин, был очень любезен и откровенен...

В чем заключалась его откровенность, высказанная в ответ на весьма сомнительный комплимент поэта, что и император, и великий князь являются хорошими дворянами, поэт не говорит, но как-то, видимо, эта откровенность приводила

к ключевым пушкинским словам:

– Vous etes bien de votre famille, tous les Romanof sont revolutionnaires et niveleurs⁵.

– Спасибо... – сказал великий князь, – так ты меня жадуешь в якобинцы! благодарю, voila une reputation qui me manquait...⁶

Говоря о Романовых – революционерах и уравнителях, Пушкин не знал, какой жестокой насмешкой будут казаться его слова нам, живущим два столетия спустя...

Романовым еще суждено было пройти путь к своей Голгофе, но и тот, что они прошли к власти, был сходен с путем, которым прошли русские революционеры.

Не об этом ли говорит в «Борисе Годунове» предок поэта, Гаврила Пушкин?

Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды – где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изнанье...

⁵ Вы истинный член вашей семьи, все Романовы революционеры и уравнители (фр.).

⁶ Вот репутация, которой мне не доставало... (фр.)

И в словах этих, как и во всей драме, почти нет исторического вымысла...

Александр Никитич Романов был сослан в Усолье-Луду на берегу Белого моря, где и скончался в 1602 году.

Василий Никитич Романов умер 15 февраля 1602 года в Пелыме...

Иван Никитич Романов, сосланный в Пелым, три месяца был прикован к стене.

Михаил Никитич Романов умер в земляной яме в Ныробе Чердынского уезда.

Кажется, что речь идет не о родоначальниках царской династии, а о самых настоящих революционерах. Впрочем, ведь и с захваченной ими Россией Романовы поступили как самые настоящие революционеры...

Вглядываешься в события истории и поражаешься не столько ее причудливости, сколько прихотливой закономерности случайностей...

Все Никитичи – в том числе и родоначальник царской династии – от второго брака.

Их могло и не быть, но они рождаются и рождаются, как мы говорили, в период наиболее ярких успехов Иоанна Грозного (от взятия Казани до начала Ливонской войны)...

Интересно и то, что «демографический взрыв» в семье царского шурыя совпадает с прекращением (после кончины Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой) чадородия

в царской семье, с долгой полосой политических и военных неудач...

Учитывая, что речь идет не просто о семьях, а о династиях правителей России, одна из которых (Рюриковичи) завершается, а другая (Романовы) начинается, не отметить этого совпадения нельзя.

И тут надо снова вернуться к вопросу о выборе Романовыми фамилии.

В принципе, если уж не хотелось братьям называться ни Захарьевыми, ни Юрьевыми, можно было назваться Никитиными... Они же были сыновьями Никиты Романовича. Но родоначальник будущей династии и его братья, самоотверженно помогавшие ему, взяли для фамилии имя деда, а не отца.

И это тоже понятно.

Федору Никитичу Романову (патриарху Филарету) хотелось, чтобы династия будущих царей начиналась от царицы Анастасии... Хотелось, чтобы все помнили, что они были рождены братьями (двоюродными) последнего царя из династии Калиты. И все это верно, за исключением того, что новая династия начиналась от царицы...

Нет... Она начиналась *возле* царицы...

Глава II

Убиение святого царевича

Тиранство Иоанна Грозного, пробудившееся после падения Сильвестра и Адашева, летописцы называли *чуждою бурей*... Была она послана... – добавил Н.М. Карамзин, – как бы из недр ада...

Первые казни Грозного обрушились на родственников и друзей Алексея Адашева.

Казнили его брата, Данилу, с двенадцатилетним сыном... Данила Адашев был талантливым полководцем, героем Крымского похода и Ливонской войны...

Казнили трех шуринов Адашева – Сатиных...

Казнили некую Марию, жену знатную с пятью сыновьями...

Казнили Ивана Шишкина с женой и детьми...

Зарезали князя Дмитрия Оболенского-Овчинину... Царь прямо за обедом вонзил ему в сердце нож...

А князя Михаила Репнина зарезали в церкви...

Казнили князя Юрия Кашина...

Удавили воеводу Никиту Шереметева...

Перечень можно продолжать, но это было только начало. Спустя четыре года пришла, как говорит Н.М. Карамзин, «вторая эпоха казней».

Открыла ее казнь князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского. Знаменитому воеводе надлежало умереть с семнадцатилетним сыном Петром.

– Да не зрю тебя мертвого! – сказал отец и первым шагнул к плахе.

Сын его поднял отсеченную голову отца, поцеловал и сам шагнул к плахе...

В тот же день казнили шурина Горбатого – Петра Ховрина, окольник Головина, князей Ивана Сухого-Каши на и Петра Ивановича Горенского...

А князя Дмитрия Шевырева посадили на кол, и он целый день, пересиливая муку, пел канон Иисусу...

Когда привычными стали самые страшные казни, пришло время казнить города...

Новгородцев избивали палицами, жгли составною мудростью огненною, целыми семьями, сбрасывали с моста в Волхов...

Воистину *чуждою бурею*, как бы из недр ада посланною возмутить, истерзать Россию, пронесли над страной эти казни...

Можно рассуждать, что, вырезая старинные роды и целые города, Иоанн IV Васильевич пытался сломить и фактически сломил хребет удельной и местнической психологии...

Наверное, это так...

Но вместе с тем есть в этом рассуждении и изрядная доля

лукавства.

Что толку уничтожать удельную психологию, если на смену старой знати поднималась новая, цепко держащаяся за власть аристократия... Она отличалась необыкновенным честолюбием, но умела жертвовать честью, когда этого требовали обстоятельства карьеры...

Местничество было злом для России, а эти люди?

При Иоанне Грозном не удержался ни мудрый Алексей Адашев, ни святитель Филипп Колычев, ни лиходеи Басманы...

Зато поднимались и крепили роды Романовых и Годуновых...

Иоанн Васильевич не подобрал их, а вывел, «перебирая людишек».

1

Путь Годуновых в царские шурья был труднее, чем у Романовых.

Брак родственницы Годуновых Евдокии Сабуровой с царевичем Иваном оказался неудачным.

Меньше года длилось замужество Евдокии...

Грозный свекор, по совету «любимого шурья» Никиты Романовича, отправил невестку в монастырь.

А несколько месяцев спустя шведская пуля сразила в Ливонии могущественного тестя Бориса Годунова – Мал юту

Скуратова. Это для Годуновых было пострашней потери Евдокии.

Падение их казалось теперь неизбежным, но Годуновы устояли. Более того – царевич Федор женился на сестре Бориса Годунова – Ирине...

В следующее царствие Русь вступила с двумя кланами царских родственников. Они ровнехонько шли друг за другом.

Борис Годунов занял при Федоре то же место, что Никита Романович занимал при Грозном, – любимого шурина.

Зато сам Никита Романович превратился в дядю царю, а его сыновья, Никитичи, стали двоюродными братьями государя.

И Романовы, и Годуновы – это фирменный продукт эпохи Ивана Грозного, и не случайно, что именно между этим *шурьем* и развернулась в дальнейшем основная борьба за власть...

Но это потом, а поначалу, чтобы уцелеть в развернувшейся борьбе, Романовы и Годуновы действовали достаточно сплоченно. Умение позабыть о спорах и разногласиях, когда требовалось расправиться с общим врагом, помогло им выстоять после смерти Грозного.

Н.М. Карамзин, характеризуя Верховную думу, составленную умирающим Иоанном, говорит об уважении, которым пользовались представители пострадавшей в правление Грозного знати...

Князя Ивана Федоровича Мстиславского (Гедиминовича) почитали за знатность рода, в князе Иване Петровиче Шуйском (Рюриковиче) «чтили славу великого подвига ратного».

Отношение к неродовитым, выдвинувшимся при Грозном сановникам было сложнее.

Откровенно ненавидели любимца Иоанна – хитрого Богдана Яковлевича Бельского... Бориса Годунова тоже опасались: «Ибо он также умел снискать особенную милость тирана, был зятем гнусного Мал юты Скуратова».

Ну а «Никиту Романовича Юрьева *уважали как брата* незабвенной Анастасии *и дядю* государева»...

Эта характеристика точно отражает ориентацию Верховной думы.

Хотя распределение сил было достаточно сложным (работало множество сложнейших семейных связей), но в целом всю деятельность Думы определяла борьба родовой знати и новых выдвиженцев, «земцев» и «опричников».

Составляя Думу, Иоанн Грозный надеялся сохранить преемственность своей политики...

Тут он крупно ошибся... Грозный царь умер, собравшись поиграть в шахматы, вечером 18 марта 1584 года, а уже ночью Дума выслала из Москвы многих «услужников Иоанновой лютости», других арестовали, к родственникам царицы Марии Нагой приставили стражу...

Свояк Бориса Годунова Богдан Бельский, пытаясь утихомирить бояр, собрал подчиненные ему стрелецкие сотни и

затворил Кремль.

Опасаясь, что он распустит Верховную думу и будет единолично править от имени царя, князья Шуйские подняли народ.

Шуйских поддерживала боярская аристократия и москвичи.

Бельского – худородные дьяки Щелкановы и стрельцы.

Сложнее определить, кого поддерживали родственники царя. Считается, что Никита Романович действовал против Бельского, а Борис Годунов якобы защищал свояка.

Это не совсем так. И Никита Романович, и Борис Годунов были родственниками Федора Иоанновича, и ни одного из них не устраивало торжество Бельского, пытавшегося подчинить себе царя. Впрочем, торжество родовой аристократии их тоже не устраивало. Почему? Да потому, что в сравнении с Гедиминовичами и Рюриковичами Романовы и Годуновы были одинаково и безнадежно худородны...

Неизвестно, координировали ли Годуновы и Романовы свои действия, но они дружно и четко сыграли и против боярской оппозиции, и против «опричников» за свою собственную команду родственников царя.

Борис Годунов помешал свояку развить успех, когда была возможность распустить регентский совет, а Никита Романович, пустив в ход все свое знаменитое благодушие, блокировал попытки Шуйских развить успех восстания. Он уго-

ворил смутьянов довольствоваться высылкой Бельского из Москвы... Мятежники разошлись по домам, а Бельский отправился в Нижний Новгород.

Повторим, что система сдержек и противовесов в первые недели правления царя Феодора была сложной, но уже тогда стало ясно, что основная борьба за влияние на царя развернется не в Думе, а внутри царской семьи, между *шурьей*.

Никита Романович вскоре занял первое место в Верховной думе, но после венчания на царство Федора Иоанновича⁷ его расшиб паралич, и Борис Годунов решительно расправился с учреждением Иоанна Грозного, растворив его в древней Боярской думе.

В этой Думе заседало уже трое Годуновых, двое Шуйских, двое Куракиных и множество других бояр... Ни о каком первенстве Никиты Романовича в Большой думе, разумеется, и речи не шло. От огорчения Никиту Романовича и расшиб паралич.

И, как всегда, – фирменный знак политики Годунова! – шурин царя Федора сумел сделать вид, будто падение Никиты Романовича осуществлено исключительно руками партии знати, и родовитые бояре действительно приняли его за свою победу, и, развивая успех, опрометчиво начали хлопотать о разводе царя с Ириной, чтобы сокрушить заодно и Годуно-

⁷ 31 мая 1584 года, когда Федор Иванович венчался на царство, он, не дожидаясь конца церемонии, отдал Державу – Борису Годунову.

вых.

Заговор был раскрыт, и его вдохновитель – митрополит Дионисий – отправился в Хутынекий монастырь под Новгородом.

Год спустя Годунов расправился и с князьями Шуйскими. Многих из них удавили, а князь Иван Петрович Шуйский, в котором «чтили славу великого подвига ратного», был пострижен в монастырь и «угорел» в своей келье в Белоозере...

Возможно, Годунов на всякий случай расправился бы и с Романовыми, но Никита Романович предусмотрительно выдал за внучатого племянника Годунова дочь Ирину, породнив своих сыновей – двоюродных братьев царя – с могущественным царским шурином и царицей.

Окончательный мир заключили в августе 1584 года, когда Никита Романович, чувствуя приближение смерти, взял с Годунова клятву «соблюдать» его детей и «вверил» ему попечение о них.

Годунову казалось потом, что он свое слово сдержал и во все царствование Феодора имел молодых Никитичей в «завещательном союзе дружбы»...

2

«На громоносном престоле мучителя Россия увидела постника и молчальника, более для кельи и пещеры, нежели для власти державной, рожденного... – пишет Н.М. Ка-

рамзин. – К счастью России, Федор, боясь власти как опасного повода к грехам, вверил кормило государства руке искусной... Сие царствование... казалось современникам милостью Божьей, благоденствием, златым веком: ибо наступило после Иоаннова».

«Царь Федор был мал, внешность монашескую имел, смирением был прославлен, о духовных делах заботился, на милость был щедр и нищим, просящим у него, подавал – обо всем земном не заботился, только о душевном спасении, – говорится и в «Летописной книге» С. Шаховского. – И за это Бог царство его миром оградил, врагов поверг к стопам его и время спокойное даровал».

Говоря о времени царя Федора, надо сказать, что именно в это царствование, помимо достаточно успешных экономических преобразований и победных военных компаний, произошло событие, которое по праву можно считать узловым во всей истории Святой Руси...

25 января 1589 года в Успенском соборе Кремля в приделе Похвалы Пресвятой Богородицы Константинопольским патриархом Иеремией был посвящен в сан первый русский патриарх Иов. Идея игумена Филофея о Москве, как Третьем Риме, начинала обретать зримые очертания...

– Отныне возвеличением митрополита Руси в сан Патриарший, – сказала тогда царица Ирина, – умножилась слава Российского царства во всей вселенной. Этого давно желали князья русские и этого, наконец, достигли.

Необыкновенно глубокий смысл в этих словах русской царицы.

Символично, что именно на последних годах правления династии Рюриковичей и произошло то, чего «давно желали русские князья», к чему вели Русь святой равноапостольный князь Владимир, святой благоверный князь Александр Невский, святой благоверный князь Дмитрий Донской... Введение патриаршества – это итог правления династии Рюриковичей. Святая Русь обрела под их рукою не только государственную, но и духовную самостоятельность.

Однако еще большую глубину приобретают слова царицы Ирины, когда мы соотносим их и с последующими событиями...

Триста лет правления Романовых, пришедших на смену Рюриковичам, по сути, были столетиями борьбы новой династии с духовной самостоятельностью и своеобразием Руси. Триста лет пытались Романовы переустроить Русь по западному образцу, перелицевать ее духовность на протестантский лад...

И поразительно, но все этапы этой борьбы зримо обозначились в отношении Романовых к патриаршеству...

Вспомним, что патриархом стал сам основатель династии – Филарет Романов. Первый раз в этот сан его возвел – самозванец, еврей Богданко. Второй раз – собственный сын.

Вспомним, что второй царь из дома Романовых, Алексей Михайлович, вступил в открытую борьбу с патриархом и сослал в ссылку патриарха Никона... Сын Алексея Михайловича, Петр I, вообще отменил патриаршество и попытался реформировать Православную Церковь на протестантский лад...

Исправить ошибки предков попытался император Николай II. Существует предание, что он изъявлял желание, передав трон преемнику, стать патриархом.

Это не осуществилось. Патриаршество было возрождено только после падения династии Романовых. И царю Николаю, как мы знаем, сужден был не святительский подвиг, а подвиг царя-мученика...

Но все это впереди, впереди и разговор об этих событиях, а пока отметим, что именно с введением патриаршества совпало начало активной антиправительственной деятельности бояр Романовых.

Когда 15 мая 1591-го голодного года в Угличе убили царевица, сразу поползли слухи, что Дмитрий убит по приказу Годунова.

3

Утро в тот день началось в Угличе ссорой государева дьяка Михаила Битяговского с братьями Нагими.

По указу царя Федора удельная семья утратила право рас-

поряжаться доходами со своего княжества и получала деньги «на обиход» из царской казны. Выдавал их Михаил Битяговский, и выдавал, как считали братья царицы, мало.

В то утро Михаил Нагой попросил денег «из казны» сверх государева указа. Битяговский отказал ему, началась ругань.

Огорченные Михаил и Афанасий отправились пьянствовать, а царица Мария села покушать.

Сына она отпустила поиграть со сверстниками на задний дворик, что находился между дворцом и крепостной стеной. За царевичем приглядывала мамка, боярыня Василиса Волохова, и две няньки.

Обед еще не закончился, когда вдруг раздался крик.

Царица Мария выбежала на задний дворик и увидела убитого сына. Схватив с земли полено, Мария Федоровна начала избивать Василису Волохову. Она кричала, что царевича зарезал сын мамки-боярыни – Осип.

По приказу царицы ударили в колокол, созывая народ на помощь...

Главный дьяк Углича Михаил Битяговский – набат прервал его трапезу! – вначале попытался пробраться на звонницу, но звонарь заперся на колокольне и не слышал ничего или делал вид, что не слышит.

– Уйми шум, каб дурна какого не сделал! – закричал дьяк на пьяного Михаила Нагого, тоже прибежавшего к дворцу из-за стола.

Михаил Нагой ничего не успел ответить.

– Вот они, душегубцы! – закричала царица, указывая на дьяка.

Разъяренные угличане выбили двери и растерзали укрывшихся в дьячей избе Битяговских.

С площади люди ринулись на подворье дьяка, «питье из погреба в бочках выпили», дом разграбили, а жену дьяка, детишек и укрывавшегося с ними Осипа Волохова потащили на площадь.

Бедную женщину и детишек от лютой смерти спас архимандрит Феодорит. Он «ухватил» их «и убить не дал».

Архимандрит видел в церкви и Осипа Волохова.

Весь израненный и окровавленный, он стоял неподалеку от тела царевича «за столпом», а Василиса Волохова на коленях упрашивала царицу «дати ей сыск праведной».

Но Мария Федоровна была неумолима. Едва старцы покинули церковь, она объявила толпе, что царевича убил Осип. Толпа разорвала юношу.

Любопытное описание убийства было приведено А.Ф. Бычковым в «Чтениях Московского общества истории и древностей»...

«В седмой час дни, как будет царевич противу церкви царя Константина, и *(по повелению изменника злодея Бориса Годунова)* приспевши душегубцы ненавистники царскому кореню *(Никитка Качалов да Данилка Битяговский)* корми-

лицу его палицею ушибли, и она обмертвев пала на землю, и ему государю царевичу в ту пору киняся перерезали горло ножом, а сами злодеи душегубцы вскричали великим гласом.

И услыша шум мати его государя царевича и великая княгиня Мария Федоровна прибегла, и видя Царевича мертва и взяла тело его в руки, *и они злодеи душегубцы стоят над телом государя царевича, обмертвели, аки псы безгласны, против его государевой матери не могли проглаголати ничтоже*; а дяди его государевы в те поры разъехались по домам кушати, того греха не ведая. И взяв она государыня тело сына своего царевича Димитрия Ивановича и отнесла к церкви Преображения Господня, и повелела государыня ударити звоном великим по всему граду, и услышал народ звон велик и страшен я ко николи не бысть такова, и стекошася вси народы от мала до велика, видя государя своего царевича мертва, и возопи гласом велиим мати его государева Мария Федоровна плачася убиваяся, говорила всему народу, чтоб те окаянные злодеи душегубцы царскому корени живы не были, и крикнули вси народы, тех окаянных кровоядцев камением побили».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.